

Несомненный интерес вызывает имя автора грамоты № 589. Оно было известно и раньше из грамоты великого князя Ивана Калиты печерским сокольникам, датируемой в целом временем княжения Ивана Даниловича, т. е. 1328—1341 гг.: «Се аз князь великий Иван Данилович всея Руси пожаловал есмь сокольников печерских, хто ходит на Печеру, — Жилу с други. А се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федець, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица Иванов сын, Семенець, Кондрат, Чешко, Семенець, Григорь, Степанець, Савица. Не падобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянути; и что у них третники и наймиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не падобе никоторая дань, ни ко старосте им не тянути, ни биричь их не поторгывать, не падобе ни корм, ни подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и аз князь великий кажню, занеже ми люди те падобны. А приказал есми их блюсти Меркурью; а ты, Меркурей, по моеи грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому»⁶⁹.

Мы имеем основания идентифицировать Жилу грамоты № 589 с Жилой — предводителем ватаги сокольников цитированного документа. Дело здесь не только в синхронности обеих грамот (ярус 8 Пробойной улицы датируется 1339—1354 гг.), но также в том, что весь комплекс усадеб, раскапываемых у перекрестка Черницыной и Пробойной улиц Людина конца, постоянными и долговременными отношениями связан с крайним северо-востоком Новгородской земли. По соседству с раскопом до сих пор существует каменное здание церкви Троицы, построенной в 1365 г. «югорцами». В настоящем томе публикуется грамота № 548, которая была адресована Моиславу, отождествляемому с Моиславом Поповичем югорского похода 1194 г. и Моиславом «Послания о земном расе» архиепископа Василия Калики.

Во время раскопок в Новгороде уже была найдена однажды берестяная грамота, касающаяся сокольников. Имею в виду грамоту № 54, происходящую из слоев яруса 10 Неревского раскопа (1313—1340 гг.), т. е. очень близкую по времени грамоте Ивана Калиты: «. . . а, у Микулицы сокол. . . ступа соколъ, у Микифорца. . .»⁷⁰. Любопытно употребление здесь тех же форм уменьшения имени, что и в грамоте Ивана Калиты.

«Чюдин» — в публикуемом тексте имя собственное, хотя и этнонимического происхождения; это имя в Новгородской земле распространено широко, отражая сложную в этническом отношении картину ее населения.

Жила поручает Чюдину дать рубль Ондрею. Заслуга прочтения и осмысления основного содержания грамоты целиком принадлежит А. А. Зализняку, истолковавшему слово «нечи» как сокращенную форму «нечестия». При таком понимании этого слова содержание грамоты можно перевести следующим образом:

«От Жилы к Чюдину. Дай (отдай) рубль Ондрею. Если же не дашь, то весь позор, который из-за этого рубля мне доведется принять, ляжет на тебя».

Лингвистический анализ этого трудного текста дан ниже в комментариях А. А. Зализняка.

Вторая, оторванная грамота, по-видимому, была аналогичного или близкого содержания. Она адресована Саве и содержит распоряжение дать кому-то полтину. В этой связи замечу, что какой-то Савица фигурирует в грамоте Ивана Калиты в числе печерских сокольников, «друзгов» Жилы.

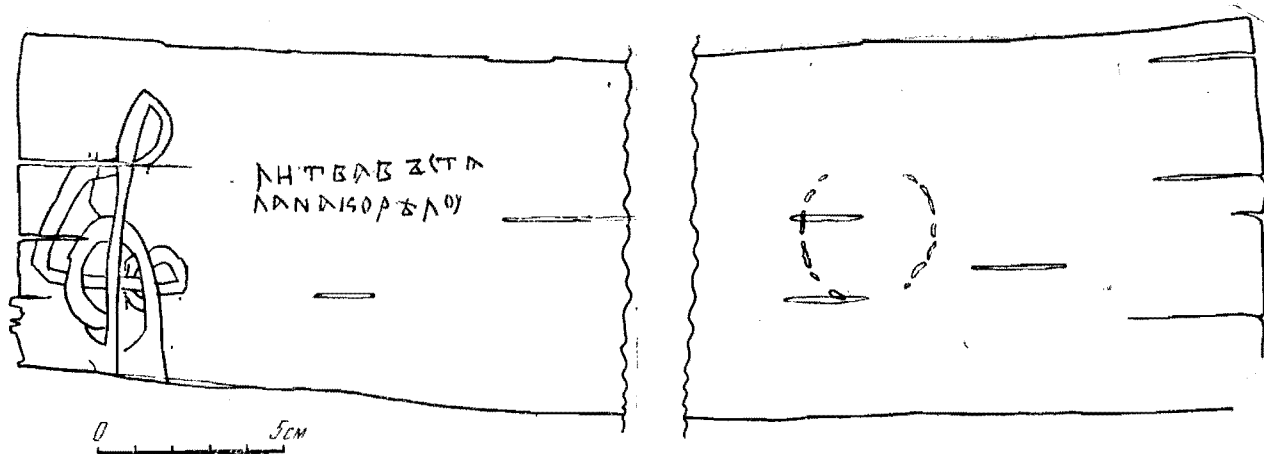
Грамота № 590

Грамота № 590 найдена на Нутном раскопе, в квадрате 29, на глубине 5,56 м, в ярусе 17. Это целый лист бересты, запись на котором расположена только в небольшом пространстве левого поля:

АНТВАВЪСТА
АНАКОРЪАОУ

⁶⁹ ГВНП, с. 142, № 84. Полагаю, что эту грамоту неправомерно именуют «грамотой печерским сокольникам»; правильнее называть ее «грамотой Меркурию о печерских сокольниках».

⁷⁰ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, с. 57, 58.

Прорись грамоты № 590

Слева большой тамгообразный знак в виде сложной плетенки, отдаленно напоминающей скрипичный ключ.

Длина 41 см, ширина 10,4 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XII—начало XIII в. Из палеографических примет этого времени следует отметить равновеликость верхней и нижней половин буквы В, геометричность Ъ и Ы. Графика остальных букв не противоречит этой дате. Ранним признаком считается буква Ъ, полностью уместающаяся в строке.

Грамота легко делится на слова:

Литва въстала на Корѣлоу

т. е. Литва выступила против Корелы, поднялась на Корелу.

Документ, очевидно, имеет политический характер и может быть истолкован в связи с конкретными событиями военной обстановки на рубежах Новгородской земли в 90-х годах XII в.

Конфликт, возникший у Новгорода с Швецией в 1188 г., привел к походу союзных Новгороду карел на Сигтуну, с которым, в частности (вероятно, неосновательно), связывают Магдебургские врата Софийского собора в Новгороде, трактуемые традиционно как трофей этого похода. В 1190 г. происходит столкновение Пскова с «чудью поморской». К грамоте № 590, возможно, имеют прямое отношение события 1191 г., так описанные в Новгородской I летописи: «Ходипша новгородьци с Корелюю на Емь, и воевапша землю их и пожьгоша и скот исекоша. . . В то же лето ходи князь Ярослав на Луки, позван полотьскою князьею и полоцяны, и поя с собою новъгородьць переднюю дружину; и съняшася на рубежи и положиша межки собою любвьвь, яко на зиму всем сънятися любо на Литву, любо на Чюдь. . . И бысть на зиму и иде князь Ярослав с новъгородьци и с пльсковици и с оболостью своею на Чюдь и възя город Гюргев, и пожьгоша землю их и полон бещисла приведоша; а сами придоша сторови в Новъгород»⁷¹.

До находки грамоты № 590 раздумья новгородцев о том, куда им идти в поход зимой, — на Литву или на Чудь, казались немотивированными. Чудское направление похода определено конфликтом Пскова с чудью поморской в предыдущем году. Намерение идти на Литву не обосновано предшествующим летописным рассказом. Теперь выясняется, что Литва в общем прибалтийском конфликте конца XII в. выступила против союзных Новгороду карел, т. е. на стороне шведов.

Можно предположить, что грамота № 590 является донесением новгородского лазутчика о начатых Литвой действиях. Текст донесения как бы спрятан в глубь берестяного свитка; разворачивая, его можно было принять за чистый, не использованный лист. Не исключено, что орнаментальный мотив грамоты действительно является тамгой автора, заменой его имени, отсутствующего в документе.

⁷¹ НПЛ, с. 39, 40, 230, 231.